

И

звестное московское издательство «Вече» решило расширить диапазон и прибавить к основной своей линии — исторической прозе — серию «Любимые», в которую вошли и войдут в дальнейшем книги внежанровой современной прозы, востребованной читателем. Открыла серию книга «Мед жизни» **Лидии Сычевой**, главного редактора журнала «Молоко». Она и предложила «Вече» для первых книг повести и рассказы своих авторов, среди которых — воронежские писательницы.

Сборник рассказов «Покатилось жизни колесо. Женские истории» (составитель *Лидия Сычева*. — М.: Вече, 2020. «Любимые») тоже целиком составлен из прозы журнала «Молоко», стойкая антикоммерческая установка которого на следование традиции русской классической прозы — как этически, так и стилистически — вызывает уважение. Прозу сборника критики могут отнести к «новому традиционализму». Однако представляется более точным другое определение — это традиция возрождающаяся, прокладывающая себе дорогу в будущее русской литературы; она (как театр, переживший все мнения о своей гибели в эпоху кино

и выживший), надеюсь, переживет и эпоху цифрового бума и литературных компиляций искусственного интеллекта, которыми могут вскоре заполнить книжный рынок хищники от книгоиздания. Традиционная проза жива — пока живы любовь, совесть, человечность, сострадание. Пока жива память о предках. Об их подвигах и жертвенности.

Наверное, лучше всего суть прозы сборника «Покатилось жизни колесо» выразили бы строки поэтессы **Нины Стручковой**, искренние рассказы которой тоже есть в книге:

Смотрю на природу — какая отвага и сила!
И я научусь этой твердости сопротивления
И плечи расправлю, скажу:

поняла и простила.

Судьба — не покорность,
но стойкость и долготерпение.

Понять и простить — значит суметь «расправить плечи» и начать заново строить дом на пепелище или восстанавливать покосившийся дом прадедов и дедов, чья «стойкость и долготерпение» поражают. Таков Макар Кузнецов из рассказа **Алины Чинючиной** «Ляльки», который был «всего лишь крепким кулаком-крестьянином с наделом земли и двумя лошадьми. Его арестовали и

увезли отдельно от семьи, и больше ни жена, ни дети ничего о нем не слышали. А их самих отправили за Урал... из большого, крепкого дома — в землянку, из высоких новгородских лесов — в ковыльные степи, от мягкой зимы — к тридцатиградусному морозу с метелью».

Что спасало этих людей — мучеников истории? Только вера и любовь.

Именно поэтому так закономерно и символично название серии «Любимые», и так много в книге рассказов о любви, скрепляющей все элементы пространства-времени, спасающей от распада народ, семью, человеческую душу.

Есть проза интересная, но холодная; проза этого сборника — человечная, обращенная к сердцу. Разноуровневость представленных рассказов заметна, но составитель Лидия Сычева подчинила содержание общему замыслу — показать две противоположные силы: скрепляющую — силу любви, и разрушающую — ее отсутствие.

Любовь лечит. Любовь спасает.

В рассказах **Анны Козыревой** «**Цыганская любовь**» — о черном коте Цыгане, охраняющем цыплят подруги-наседки, и **Нины Левиной** «**Крысолов**» — о верности дворовой собаки любимым хозяевам — тоже любовь. Удивительно ее свойство — она очеловечивает даже животное. Но есть и те свойства людского характера, которые наоборот — расчеловечивают: собаку ради денег украл человек, прикидывающийся другом семьи, а на самом деле испытывающий к людям, всегда готовым ему безвозмездно помочь, ненависть и зависть. «Такие люди сами себя наказывают. На всю жизнь, — с горечью говорит героиня рассказа Надежда. — Злость и зависть — вот его вечное наказание. Они его изнутри разъедают, жить не дают...»

Круг жизни держит находящийся внутри него треугольник: любовь — память — верность. Недаром письма с фронта во время Великой Отечественной войны приходили, сложенные треугольником. В рассказе **Ирины Соля-**

ной «Треугольник» повествуется о том, как фронтовое письмо от пропавшего без вести отца, позже удостоенного звания Героя Советского Союза, через много лет находит адресата — дочь фронтовика, семидесятипятилетнюю бывшую учительницу, приехавшую на могилу родителя. Казалось бы, рассказ горький: но не удар памяти оказался смертельным для пожилого человека — а скорбь о том, что долгие годы жила она, не помня о родном отце.

Очень грустно читать и рассказ-признание **Нины Стручковой** «**Душа не позабудет**» — о старой учительнице, с которой сначала дружно ездили очень любившие ее повзрослевшие ученики («И мы решили собраться и поехать к Нине Владимировне Карякиной, которую многие не видели после школы, а прошло на тот момент уже семнадцать лет»). Но время шло и честолюбие героини — а точнее, ложная скромность, обратная сторона честолюбия — перекрыло память («...потом пошла полоса неудач в моей жизни, и я перестала писать ей — похвастаться было нечем») — любимая учительница была покинута...

А вот в рассказе **Светланы Еремеевой** «**Смотрины**» память об ушедших супругах не просто жива, она становится для двух овдовевших пожилых людей даром позднего семейного лада: «Раз и навсегда уверовав в то, что для них не было людей родней и дороже, чем Петя и Шура, дед Трофим и Матвеевна знакомили с ними друг друга, как знакомят на сватовстве родственников с обеих сторон».

Другой рассказ **Светланы Еремеевой** «**Ночь Шахерезады**» — о молодой семье, распавшейся из-за крохоборства мужа, забравшего даже при разводе все нажитое имущество, оставившего бывшей жене лишь комнату в общежитии. Но и в этом рассказе круг жизни восстановлен тем же треугольником, вершины которого: любовь — память — верность. Риту, главную героиню, преданно любит и ждет друг детства. А любовь, как ливень, смывает все прошлые ошибки: «И как-то незаметно в мире исчезло

все: и река, и кричавшие им что-то с берега рыбаки, и видневшаяся вдали старая береза. Остались только их глаза и этот любовный дождь» («**Весенний снег**»). Главное — не забыть, что «с любимыми не расстаются». Встреча Риты и Гены возрождает чувство, и счастливый конец рассказа закономерен: «Через два месяца Рита переехала к Генке. А через семь месяцев в семье появились очаровательные двойняшки».

Дети — тоже героини книги. **Елена Дубровина** («**Волшебные очки**», «**Двоечники**») уходит от ныне модного показа современного ребенка как *enfant terrible* — автор видит одаренность и доброту детей, их незащитность и надежду быть услышанными. Но и взрослый, потерявший ребенка в себе, достоин жалости...

Печальным рассказам **Елены Пустовойтовой** («**Одиночество**», «**Горе**»), **Надежды Казаковой** («**Зеркало потерь**», «**Четыре селедки, две буханки и два батона**»), **Елены Крагжды** («**Гора крестов**») противопоставлены очень светлые — **Елены Супрановой** («**Лето — три месяца**» и «**Особенная**»). Рассказ «**Особенная**» — о чудесной простой старушке, всю жизнь живущей ради других, забывающей о себе. А ведь такая искренняя жертвенность, не требующая себе ничего в награду, — лучшая, самая ценная грань русского народного женского характера.

Есть и лучшая грань мужского народного характера, проявляющаяся в порыве бескорыстной помощи. В рассказе **Нины Стручковой** («**Женя**») героиня, приехавшая из города в село погостить, пытается заплатить водителю односельчанину, который ее подвез. Как же сильно мужчина обиделся: «Ишь, чего удумала! Она мне деньги сунула! Я что — за деньги тебя повез? Я от чистого сердца! Ну-ка, заberi немедленно!»

Но в книге нет идеализации деревенской жизни: авторы признают, что на селе в чести практичные и работающие, а романтики для сельчан — это почти шукшинские чудики, однако прощаемые за странности и любимые за доброту и душевную чистоту.

Добавляют красок к деревенским картинам и занимательные рассказы **Екатерины Глушик**: один, чуть «готический» («**Жених-покойник**»), и два других, не лишённые иронии и лирики («**Московские чудачества**» и «**Светлое Романово**»).

Лучшие рассказы сборника запомнятся. Верится, что книга обязательно найдет своих читателей, таких же верных друзей книжных магазинов и библиотек, как эмоциональная и порывистая героиня рассказа **Алины Чинючиной** («**Пузыри**»), признающаяся в своей любви к бумажным книгам...

